

Когда смотришь на картины Левитана, Шишкина, Поленова и многих других русских художников, вроде ничего особенного: незамысловатый сюжет, которому хочется улыбнуться и, получив положительные эмоции, хочется жить в этом празднике души. Когда смотришь картину Малевича «Чёрный квадрат», то начинает работать мозг, который не понимает, что он видит, и на душе вместо праздника – тревога, ко всему ещё и траурный чёрный цвет портит окончательно настроение. А у него ещё был и «Красный квадрат», и «Белый квадрат», но про них мало кто знает, во всяком случае я.

А кто-то скажет – и ведь говорят, – что картины обращены к чувствам, а не к разуму. Тот, кто живёт исключительно разумом, ничего не чувствует при взгляде на такие картины. Чувство гениальности автора – вот что у них вызывает «Чёрный квадрат». Классические художники ограничивали формой и цветом восприятие картины. «Чёрный квадрат» не ограничивает ничем. Личность художника, цвет и форма не имеют значения. Остановившись перед «Чёрным квадратом», зритель заглядывает себе в душу. В этом и есть гениальность: всему, что было с нами, всё, что окружает нас, имеет отражение в нашей душе, оно оставило там след. Кому-то, чтобы лучше понять себя, надо постоять у «Чёрного квадрата» Малевича, кому-то помолиться или помедитировать, а кому-то увидеть рассвет или закат, и он счастлив. У каждого к себе свой ключик. И «Чёрный квадрат» в этом смысле действительно гениален...

Конечно, знатоки искусства Малевича скажут: «Есть одна причина, по которой «Чёрный квадрат» может вызывать сильные чувства. Это то, что он, по сути своей, является «живописным нулём»: чёрный – поглощающий, а не отражающий цвет. Он ничего не отдает наружу. А его белая окантовка отчасти делает его похожим на икону. Не потому ли на футуристической выставке «Чёрный квадрат» Малевич повесил в «красном углу» помещения, где у славян всегда висят иконы, за что ему и досталось от художника Александра Бенуа, который написал:

«Без номера, но в углу, высоко под самым потолком, на месте святом, повешено «произведение» г. Малевича, изображающее чёрный квадрат в белом обрамлении. Несомненно, это и есть та «икона», которую гг. футуристы предлагают взамен мадонн и бесстыжих Венер. Это и есть то «господство над формами природы»... Чёрный квадрат в белом окладе – это не случайный маленький эпизодик, случившийся в доме на Марсовом поле, а это один из актов самоутверждения того начала, которое имеет своим именем мерзость запустения и которое кичится тем, что оно через гордыню, через заносчивость, через поспрашивание всего любовного и нежного приведёт всех к гибели».

Чтобы оправдать свой квадрат, Малевич написал в манифесте «От кубизма и футуризма к супрематизму»: «Когда исчезнет привычка сознания видеть в картинах изображение уголков природы, Мадонн и бесстыдных Венер, тогда только увидим чисто живописное произведение».

Кто-то, неважно кто, меня спросил:

– Жень, ты видел картину «Чёрный квадрат на белом фоне»?

– Нет, только на картинках в журналах. И я не в восторге от неё.

– Обязательно посмотри в подлиннике, он висит в Государственной Третьяковской галерее. И ты найдешь, где подвох в этой картине.

И я пошёл в Третьяковку искать подвох.

Разговор в Третьяковке с Казимиром Малевичем

Долго не мог понять, в чём здесь подвох. Я подходил к квадрату очень близко, удалялся далеко, насколько это было возможно, надевал очки, снимал их, светил на квадрат фонариком, а подвоха не видел. Если бы у меня была возможность, я бы залез в этот квадрат, но возможности такой не было. Тогда я присел на корточки, изменил угол зрения и посмотрел на картину. Ба, вместо квадрата увидел куб, а через несколько секунд, когда на него упал солнечный луч, чёрный куб вдруг стал красным.

«Мистика», – подумал я и чуть было не упал в обморок.

– Молодой человек, картину нельзя рассматривать только с точки цвета, её нужно видеть и слышать, – услышал я чей-то голос. Я стал смотреть по сторонам, но никого не было.

– А это кто со мной говорит?

– Это автор этой картины – Казимир Малевич, вернее, его дух-ух-х.

– А вы где, я вас не вижу? – испуганно спросил я.

– Я здесь живу, прямо в этом чёрном квадрате. Предчувствуя свой уход, я завещал ученикам похоронить меня в гробу в форме креста, чтобы руки были раскинуты в стороны. Мой завет, кстати, они не выполнили. Похоронили меня по супрематическому обряду, как я и хотел. Поэтому для церемонии изготовили специальный саркофаг, на крышке которого нарисовали чёрный квадрат.

Желающие попрощаться могли не только увидеть меня в последний раз, но и посмотреть на картину «Чёрный квадрат», которая стояла рядом с гробом. После панихиды саркофаг водрузили на грузовик, на который предварительно тоже был нанесён чёрный квадрат. Тело кремировали.

На самом деле Малевич не проектировал гроб, в котором был похоронен. Это популярная легенда, которая, впрочем, имеет под собой некоторые основания. Как-то Малевич говорил со своим учеником Константином Рождественским о смерти и похоронах, не своих, а вообще. По мнению Малевича, покойник должен был лежать раскинув руки, лицом вверх, как бы обнимая небо, Вселенную и принимая форму креста. Тогда же Малевич сделал несколько набросков (он редко расставался с карандашом, постоянно что-то зарисовывал во время разговоров). После смерти Малевича проект гроба нарисовали и отнесли столярам его ученики Рождественский и Суетин. Они же расписали гроб зелёным, чёрным и белым, поместив в ногах изображение красного круга, а в голове – чёрный квадрат.

– Молодой человек, вы правильно подметили: в кубе есть красный цвет. Ведь самое ценное в живописном творчестве есть цвет и фактура. Они составляют живописную сущность, но эта сущность всегда убивалась сюжетом.

– Казимир Северинович, у вас тут, смотрю, всё есть. И цвет, и фактура, а самой сущности я не вижу. Есть только чёрное живописное пятно, которое покрылось кракелюром, и в некоторых местах просвечивает краска зелёного и розового цветов, видимо, от предыдущей композиции, которая была закрашена, как я думаю, вами.

– Молодой человек, кто чувствует живопись, тот меньше видит предмет; кто видит предмет, тот меньше чувствует живописное.

Я подошёл вплотную к квадрату, достал большую лупу из кармана и стал рассматривать квадрат. Что я увидел? Пугающую тьму. Такая же тьма находится на задворках Вселенной, где на миллиарды световых лет простираются войды, там нет ни звёзд, ни галактик, ни чёрных дыр, ни чёрных квадратов, ни звёздной пыли, там нет даже атомов. Там просто – Пустота.

– Молодой человек, не надо со своей лупой искать атомы на моей картине, там и без них уже полно микробов, которые портят мой шедевр. Поясняю концепцию своего «Чёрного квадрата». Квадрат – чувство, белое пространство – пустота за этим чувством.

Ну всё, в моей голове точно образовалась пустота – звёздный войд. Не зря же Малевич впоследствии много думал о чёрном квадрате, писал теоретические работы и связывал его с «космическим сознанием».

– Казимир Северинович, почему именно квадрат, а не круг, ромб или другая какая геометрическая фигура?

– Молодой человек, я ведь чертёжником работал в Курске в Управлении железных дорог и не собирался быть художником, но однажды нарисовал красный куб, который оказался кривоватым. Я закрасил переднюю его грань чёрной краской, которую составил сам, а остальные две грани – белой, и у меня появился на холсте чёрный квадрат. Друзья, посмотрев на него, сказали: «Да, ты, Казимир, настоящий художник. Выставь её для прикола где-нибудь на футуристической выставке и подпиши “Чёрный квадрат на белом фоне”, и ты будешь знаменит на весь мир». Так и вышло. А квадрат нарисовал, потому что мы живём в прямоугольном мире. Для меня это была плоскость холста. Всё окружающее человека прямоугольно: дома, другие строения, мебель, деловые бумаги, картины и прочее. Сама форма квадрата является универсальной, если её удвоить, получится прямоуголь-

ник, если разделить по диагонали – треугольник, а если заставить вращаться – круг. То есть из квадрата можно создать целый мир.

Мы острой гранью делим время и ставим на первой странице плоскость в виде квадрата, чёрного как тайна, плоскость смотрит на нас тёмным, как бы скрывая в себе новые страницы будущего. Она будет печатью нашего времени, куда и где бы ни повесили её, она не затеряет лица своего.

– Логично, – подумал я, и задал ещё вопрос: – Скажите, а где проходила эта выставка?

– В декабре 1915 года в старинном петербургском особняке, где располагалось Художественное бюро Надежды Добычиной по адресу Марсово поле дом 7 на набережной реки Мойки, открылась «Последняя футуристическая выставка картин «0,10».

«Последней футуристической» выставка была названа из-за желания организаторов завершить футуристический период в русской живописи и обозначить переход к супрематизму.

«0,10» – это не одно число (одна десятая), а числа ноль и десять, перечисленные через запятую. Ноль означает отсутствие (нулевое количество) предметных форм в супрематизме. Десять означало количество художников, планировавших участвовать в выставке, но когда участников стало четырнадцать, название не было изменено.

Секреты Казимира от смотрительницы зала

– Молодой человек, вам что, плохо? Вы с кем тут разговариваете? – спросила меня смотрительница зала, наблюдая за моими выкрутасами, которые ей напоминали известную всем басню «Мартышка и очки».

– Да вот не вижу, что изобразил художник на своём полотне что-то совсем чёрное, больше ничего не видно, – ответил я, пряча лупу в карман.

– Молодой человек, открою вам небольшой секрет. Перед вами «Чёрный квадрат», а на самом деле он не чёрный.

– А какой же? Красный? Белый?

– Химический анализ показал, что Малевич создал свою краску, используя при этом три самодельные краски: жжёную кость, чёрную охру и ещё взял какой-то природный компонент тёмно-зелёного оттенка, подмешал к ним мел, чтобы убрать эффект глянца, присущий масляным краскам. И мне кажется, что он смешивал краски со своим настроением и накладывал свою энергетику на картину. А может, это хитроумный длинный путь мазков, которые он сложил как заклинание к реальности. Вот вы как подумали: Малевич взял первую попавшуюся чёрную краску и закрасил начерченный по линейке квадрат?

– Ну, примерно так и подумал. Он ведь до этого чертёжником работал в Курске. Раз – и за полдня нарисовал свой шедевр.

– Ну вот и ошибаетесь, молодой человек. Свой «Чёрный квадрат» автор писал более двенадцати месяцев. А над замыслом он работал всё лето и осень в полной секретности. Вот вы, молодой человек, скакали, извините меня, как блоха, перед квадратом. А нужно было просто выбрать правильное расстояние от «Чёрного квадрата». И у вас бы сразу изменилась энергия и эмоции. Вы почувствовали бы, как будто открылась дверь в другой мир. За долгую здесь работу я видела, как одним от этого становилось не по себе, а других охватывало предвкушение чего-то возвышенного. Малевич сумел нарисовать портал в другое измерение методами холста и масляной краски. Разве это не фантастично?

Я подумал, если годами здесь сидеть перед этим квадратом, как эта смотрительница зала, то точно можно улететь в портал, и сразу в Кащенко. А она, видимо, фанатка Казимира, продолжала меня пугать:

– Молодой человек, на самом деле чёрный квадрат – это разноцветный куб.

Ну всё, думаю, у бабушки глюки начались, а она бодренько так продолжает меня пугать:

– Казимир Северинович неоднократно говорил, что картина создана им под воздействием некоего «космического сознания». Мир, окружающий нас, только на первый, поверхностный, взгляд выглядит плоским и чёрно-белым. Чёрный цвет поглощает все другие цвета, поэтому увидеть в чёрном квадрате разноцветный куб достаточно сложно. А увидеть за чёрным – белое, за ложью – правду, за смертью – жизнь, сложнее многократно. Но кому удастся это сделать, откроется великая философская формула. Если человек будет воспринимать мир объёмно и во всём разноцветии, его жизнь кардинально изменится.

Я уже увидел этот разноцветный куб, всё, думаю, хватит слушать этот бред, и я тихонько пристроился к группе, которая не спеша прогуливалась вдоль картин. И вот они встали у «Чёрного квадрата», ничего не понимая, но признаться в этом себе и другим им было стыдно. И они делали умные лица, томно вздыхали, закатывали глаза в потолок, где висела массивная люстра, заламывали себе руки, вздыхали: «Гениально! Шедеврально». Тут к картине подошла экскурсовод группы, и я опять стал слушать её рассказ про квадрат:

– На самом деле Малевич придумал новый живописный язык, соразмерный тому времени, которое вот-вот наступит. А у языка есть своя азбука. «Чёрный квадрат» и есть главный знак этой азбуки. Вот послушайте, как пи-

сал Малевич: «Творческая воля до сих пор втискивалась в реальные формы жизни и вела борьбу за свой выход из вещи. У более сильных она дошла до исчезающего момента, но не выходила за рамки нуля. Но я преобразился в нуль форм и вышел за 0-1». Иначе говоря, Малевич вышел в иную реальность, где есть свой эталон, своя единица – «Чёрный квадрат».

Я, конечно, ни черта не понял из сказанного экскурсоводом, но стоял и всё смотрел на квадрат, как замороженный удавом кролик, а экскурсовод продолжала бубнить:

– Своим студентам Малевич говорил, что хотел показать этой картиной «бесконечность и вечность», что если долго и сосредоточенно смотреть прямо в середину квадрата, «не отвлекаясь ни на что, как в камере обскура», то в конце концов начнёшь это чувствовать».

– Что чувствовать? Бесконечность и вечность? Мне и так уже кажется, что я здесь стою вечность, пора возвращаться домой.

Прямоугольник – квадрат – куб

Кстати, в своём первоначальном варианте Малевич назвал её «Тёмный прямоугольник», и это было более правильное название, но впоследствии для большего эпатажа сменил подпись прямо на выставке. А ещё правильнее было назвать картину «Битва негров в тёмной пещере». Нет, не надо, такое название картины уже было у Альфонса Алле. За несколько десятилетий до Казимира Малевича Альфонс Алле написал серию монохромных полотен. Для него это было очередной шуткой – об этом говорят те остроумные названия, которые он придумал: «Апоплексические кардиналы, собирающие помидоры на берегу Красного моря» и «Группа пьяниц в тумане».

И уж конечно, в глубину своего чёрного полотна он не пытался вместить мироздание.

Синяя клякса на белом фоне

И вот опять, в который раз глядя на его квадрат, я вспомнил, как в первом классе, выполняя домашнее задание, я от всей души макнул в чернильницу свою перьевую ручку и только хотел вывести прописную букву «У» в тетради по чистописанию, как на белый лист упала жирная синяя клякса. И растеклась в разные стороны. Я хотел её промокнуть промокашкой, но только больше размазал и долго сначала ею любовался, думая, что это море, а я капитан, плыву по нему в неведомые мне страны. Потом очнулся от этого гипноза и заревел как белуга, которая плыла за моим кораблём. Ревел, что испортил тетрадь по чистописанию и сейчас мне влетит по первое число, хотя на дворе было уже 20 сентября 1966 года. На мой рёв сзади подошла мама и, погладив по голове, сказала тихим голосом:

– Синяя клякса на белом фоне Женьки Татарникова. Шедевральное полотно. Взять да в музей её повесить, пусть народ любит.

Я тогда не понял её сарказм, да и такого слова – сарказм – ещё не знал.

И придя из Третьяковки

Когда я учился в МВТУ им. Баумана, я этих квадратов начертил столько, сколько Малевичу и не снилось, когда он работал чертёжником в Курске. Я чертил их и не думал раскрашивать в какие-то цвета, а он – разукрасил. И вот теперь я думаю: «Ну, раз он меня сто лет назад переплюнул, как мне теперь этому всемирно известному

художнику-чертёжнику, любителю кубизма, ответить». И, придя из «Третьяковки», я взял белый чистый холст, вырезал ножницами в нём квадрат и гордо сказал жене: «Это моя картина и называется она “Чёрная дыра во Вселенную на белом фоне”», – и добавил словами Казимира Малевича: «Я долгое время не мог ни есть, ни спать, и сам не понимал, что такое сделал».

Жена покрутила пальцем у виска, мол, совсем уже с ума сошёл, и выбросила мой шедевр в мусорку, так закончилась моя карьера великого художника. А Казимир Малевич и сейчас входит в число самых противоречивых художников. Кто-то считает его гением, кто-то ругает за примитивность мысли и отсутствие полёта фантазии. Тем не менее о нём говорят, его помнят.

Не надо быть художником, чтобы нарисовать чёрный квадрат на белом фоне. Да любой так сможет! И нарисует, но за ваш квадрат и ломаного гроша не дадут, даже смотреть на него не будут. Конечно, и обезьяну можно научить рисовать линии и закрашивать фигуры. А вот уметь отвлечённо мыслить – это обезьянам недоступно. Видимо, в «Чёрном квадрате» есть что-то особенное. Невидимое обычному зрителю.